

Максим Горький

Извозчик

Максим Горький

Извозчик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170428

М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах: Государственное издательство художественной литературы; Москва; 1949

Аннотация

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 277, 25 декабря.

В тексте рассказа купчиха Заметова в первом случае названа автором Капитолиной Петровной, а во втором Сосипатрой Андреевной.

Рассказ «Извозчик» в собрания сочинений не включался.

Печатается по тексту «Самарской газеты».

Содержание

Извозчик	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Извозчик

Святочный рассказ

Предпраздничная сутолока, дни всеобщей чистки, мытья и расходов – масса мелких расходов к сочельнику, почти дочиста опустошающих карман человека, живущего на жалованье, – эти два-три дня сильно расстроили и без того не особенно крепкие нервы Павла Николаевича.

Проснувшись утром в сочельник, он чувствовал себя совсем больным и полным острого раздражения против всех этих условностей жизни, превращающих праздник, время отдыха, в какую-то бестолковую суету, против жены, придававшей этой суете значение чего-то необыкновенно важного, против детей, отчаянно шумевших без призора над ними, прислуги, утомлённой, озабоченной и ничего не делавшей так, как бы следовало.

Он хотел бы стоять вне всей этой «идиотской толкотни», но такая характеристика времени вызвала ссору с женой, и, чтобы успокоить её и себя, он принуждён был вмешаться в события: его откомандировали в магазин, потом на базар за ёлкой для детей, потом в оранжерею за цветами для стола, и, наконец, к пяти часам вечера, сильно утомлённый, плохо пообедавший, с тупой тоской на душе, он получил возможность отдохнуть. Плотной затворив за собой двери, он забрал-

ся в спальню, лёг там на кровать жены и, закинув руки за голову, стал пристально, ни о чём не думая, смотреть в потолок.

В чистенькой и уютной спальне царил мягкий сумрак от зажжённой пред образом лампы, на пол и стены падали мягкие тени, падали и колебались. С улицы доносился шум полозьев по снегу, какие-то крики, стуки, но всё это звучало мягко, убаюкивающе.

– Ах, Коля! Отстань ради бога!

«Это жена кричит на сынишку, он, наверное, ни в чём не виноват, но она устала, и он платится за это. Воспитание детей! Глупо говорить о воспитании детей, если мы сами ещё не воспитаны», – подумал Павел Николаевич.

«Я давеча тоже накричал на неё... Свинство! Впрочем, она поймёт, что это болезненное раздражение, не больше. Она мирится с тем, что я нервничаю. Вполне естественно нервничать, когда положение так незавидно. Жить, вечно работая для того, чтобы достать в месяц сотню рублей, оставляющих неудовлетворёнными более сотни твоих потребностей, да ещё уметь быть здоровым при такой жизни, – это не по силам современному человеку. Терпение хорошо, когда есть надежды на лучшее будущее. И как всё это глупо, мелко, пошло! А между тем вся жизнь в этих мелочах. Работашь для того, чтобы есть, и ешь для того, чтобы завтра снова работать.

Семья. Кто-то предлагал законодательным путём запре-

тить жениться беднякам. Несомненно, что это был сострадательный человек. Что я, с моим заработком, могу дать семье? Ни сносной в смысле удобств жизни жене, ни достаточно хорошего воспитания детям. Глупо всё! И непоправимо глупо, ибо сумма потребностей человека переросла сумму его сил. Это не исправить распределением богатства без того, чтобы не выбросить из жизни нашего брата нейрастеника.

Зачем это я философствую? Вот тоже милая культурная привычка, что-то вроде пьянства, по её воздействию на организм!...»

Он повернулся на бок, поправил подушку под головой и, крест-накрест положив ладони рук на плечи, закрыл глаза.

Ему вспомнился разговор с извозчиком, который вёз его давеча с базара. Это был обтёрханный, хлибкий мужичонка, какой-то несчастный, унылый, разбитый.

– Али я такой мизгирь был год-другой тому назад? Эх ты! Куда те! Я в дворниках в ту пору жил у одной купчихи, у Заметовой. Слыхали? У неё, значит. Житьё было очень даже приятное. Подручный был, работы мало. Ну, я у безделья и задумался... Над чем? А так, вопче... надо всем... Рази, ежели правильным-то глазом посмотреть на жизнь, – не задумаешься?

Дьявол, первое дело. Чуть ты что – а он тебя своим духом и опахнул. Ну, ты сейчас, первое дело, – точку свою и потеряешь, с линии, значит, сшибёшься, и пошёл колобродить. Будто чего ищешь; а чего искать? Первое дело – себя само-

го надо найти, своё, значит, приспособление в жизни. Нашёл ты это – ну и здравствуй. Так-то...

– ...Купчиха эта, верно, скупущая. Но и деньжищев у неё – страхи! Ужаси! Накопила, дьявол. Капитолина Петровна звать-то её. А куда вот накопила? Спросите её – не скажет. Не знат, ей-ей, не знат! Умрёт ведь, как все люди; уж это первое дело. А рази для смерти-то деньжищи требуются? Очень даже маленько для смерти человеческой нужно! Так-то, сударь мой?

– ...Чего-с? Так точно... Сродственников у ней нет. Одна, как перст. Как сова в дупле, в своём-то дому. Прислуга вся у неё – трое. Кучер, да я, дворник, значит, да Маришка такая есть; злющая стерва – в кухарках... Только всего! Гостят там и разные монашки, странницы и прочие эдакие народы. И как только они её не придушат однажды – богу известно. А надо бы её придушить, – потому как она совсем бесполезная тварь для господ. Но его воля, и ему это знать. Мы не судьи. А что сохранно живёт, это даже очень удивительно. Одна ведь, судите сами!

Хлясть её по чувствительному месту разок и – твои капиталы. Надо думать, кто-нибудь догадается про это. Счастлив будет, коли умно сделает! Ну, но, ты, трясогузица!

Извозчик болтал, чмокал на лошадь, ёрзал по облучку и то и дело оборачивал к Павлу Николаевичу своё маленькое, опухшее от пьянства лицо. Глаза у него были серенькие, живые, с красными воспалёнными веками, нос, как луковица,

и на обеих щеках сине-багровые пятна от мороза.

– Здорово я пил водку! – восхищённо восклицал он и улыбался во всю рожу от сознания своего удалства.

Павлу Николаевичу казалось, что этот мозглявый философ, мужичонка, где-то тут близко от него, и он ощутил беспокойство от сознания этой близости. Извозчик как бы мешал чему-то. Но это беспокойство, смутное и неопределённое, заставило его только глубже сунуть голову в подушку и поёжиться.

– Баба старая уж, много ли ей надо? Долбануть её разик – она и готова! – говорил извозчик.

– Ну вот, возьми и долбани! Убирайся! – сказал Павел Николаевич, раздражаясь.

– Я не могу. А ты сам – вот это так! Ты барин умный, значит, тебе это сручней.

– Пошёл вон! Чего ты прилез и мелешь ерунду? Я ведь заплатил! – крикнул Павел Николаевич.

– Точно что, – спокойно сказал извозчик. – Я уйду, не сердись. Я для тебя ведь больше.

Дело очень даже простое и совсем уж верное. Ты это обмозгуй. Куда она, подумай?.. Совсем ни к чему она. А ты человек живой. Средств у тебя нет. А тут сразу её!

– Хорошо, ступай! Я усну вот немного, – сказал Павел Николаевич просто и спокойно.

– Ну, ну, усни, отдохни. Это хорошо. Прощай.

И извозчик исчез.

– Он не глуп, – сказал Павел Николаевич, садясь на постель. – Да, он прав. Я не Раскольников, не идеалист. Дело верное. Ставка рискованная, но выигрыш велик. О, если бы мне даже десять тысяч... Я сумел бы на них жить! Независимость – вот что такое деньги.

Сво-бода-а! Разве я не хочу свободы? А удовольствия? Это ведь иллюзия того, что зовут счастьем и что незнакомо никому. И всё это я беру одним ударом. Моя ставка – жизнь плохая, серая, скучная, выигрыш – жизнь независимая, богатая, полная всего, чем я захочу её наполнить. Мучения совести? Это пустяки, это фантазия. Совесть – это едва ли ощутимо, едва ли есть. Да что мне думать об этом, раз я решил, как поступить.

Когда он решил, он не заметил этого, это вышло как-то между дум, но он всем своим существом чувствовал, что уже решил, и бесповоротно.

– Как мне это сделать? – задал он себе вопрос. И тотчас же оттолкнул его прочь от себя.

– Нет, не надо обдумывать, ничего не надо. Пусть это удастся сразу или не удастся совсем. Сразу, без думы – это лучше. Сейчас же начинать.

Он ощутил в себе страшный прилив энергии, энергии спокойной, уверенной в успехе предприятия, готовой на борьбу со всевозможными препятствиями. И, готовый к делу, он встал с постели, потянулся, напрягая мускулы и озабоченно посмотрел вокруг себя.

– Однако, чем бы мне её убить? Тем топориком, которым колют сахар? Лёгко. Утюгом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.